

Л. П. Дронова

Томский государственный университет
Томск, Россия
lpdronova@mail.ru**Проблема словообразовательно-генетических отношений
др.-рус. *тъска* ‘тоска, печаль’**

Этимологические источники чаще достаточно уверенно (а иногда с оговоркой «возможно») связывают историю словообразовательно-этимологических отношений др.-рус. *тъска* (рус. *тоска*, укр. *тоскно*, блр. *тоскніць*) и его соответствий в западнославянских языках (чеш. *stesk* ‘тоска’, *teskný* ‘тоскливый, заунывный’, ст.-польск. *teskny* ‘то же’ и др.) с производными корня *тъщ-* (*тъščь < **тъск-j-*), ср. рус. *моуций*, *тицета*, *тицетный* и др. [Machek, 527; Skok, 3, 446; Фасмер, 4, 488; Черных, 2, 253; и др.]. Развитие значения предполагается следующее: ‘пустой (*prázdný*)’ → ‘напрасный, тщетный (*marný*)’ → ‘удрученный, унылый, печальный, грустный (*skličeny*, *smutný*)’ [ESS, 17, 1008].

Характерная особенность производных праслав. *тъščь, указывающая на глубину его происхождения, — наличие соответствий с той же основой (не только корнем!) и значением в ряде индоевропейских языков (балтийские, индоиранские, ср. лит. *tùščias* ‘пустой, холостой, бесплодный’, *tušteti* ‘пустеть’, *tukšs* ‘пустой, полый’, лат. *tesca* (< *tuesqua) ‘пустыня, степь’, авест. *taoš-* (**touseio-*) ‘пустой, быть пустым’, афг. *māsh* ‘пустой, полый’, др.-инд. *tucch(y)á* ‘пустой, ничтожный, суетный’, хинди *туччха* ‘пустой, полый, никчемный’) [Фасмер, 4, 90–91]. Возникает первый вопрос: как же образованы восточно- и западнославянские лексемы с корнем *тъск-*, связанные с выражением понятия «тоска, печаль», если известно, что праслав. *тъščь и его балто-индоиранские соответствия восходят к основе с палатальным *-k’-* (< и.-е. **tus-sk’-ió-* [Черных, 2, 254–255; ESS, 17, 1008])? Региональная словообразовательная инновация? Но в результате чего возник вариант основы с непалатальным, не отмеченный в других языках?

Второй вопрос касается семантики др.-рус. *тъска* и предполагаемых однокорневых образований с корнем *тъск-* и *тъщ-*. Дело в том, что если западнославянские соответствия др.-рус. *тъска* связаны только

с понятием «тоска», то в древнерусских текстах наряду со значением ‘горе, печаль’ (XIII в.) у этого слова отмечены также значения ‘теснение, притеснение’ (XI–XV вв.), в более поздних текстах — ‘болезнь, связанная с чувством внутренней сдавленности, сжатия (типа стенокардии)’ (XVI–XVII вв.), ‘тошнота, отвращение’ (XVII в.) [СРЯ XI–XVII, 30, 68]. Учитывая такую разнородность значений в древнерусском, словарь П. Я. Черных предполагает как старшее значение ‘давление, теснота’, из которого развилось значение ‘ощущение беспомощности, волнение’. Но при этом словообразовательно-этимологически др.-рус. *тъска* в этом словаре соотносится с праслав. *тъдъсь ‘пустой, тщетный’ и нет объяснения условий возникновения связи понятий «пустота» и «давление, теснота» [Черных, 2, 253].

Грамматически отличающееся др.-рус. *тъскъ* (*тоскъ*) также зафиксировано в значении ‘натиск, стремление, поспешность’ (XV в.). Производный глагол *тоснутися* имел значение ‘спешить, торопиться’ (XII–XIII, XV вв.), ‘стараться’ (XII в.), ‘стремиться к чему-л.’ (XV в.). Производные с корнем *тиц-* (*тъци-*) имеют то же соотношение значений: *тицати* ‘принуждать, побуждать, торопить’ (XI в.), *тицатися* ‘торопиться, спешить’ (XI в.), ‘стремиться’ (XI в.), *тицанный* ‘поспешный, торопливый’ (XV в.), ‘усердный’ (XII в.), ‘желанный, вожденный’ (XII в.), *тицивый* ‘пустой, малодушный’ (XI в.) и *тицивый* ‘быстрый, стремительный’ (XIII–XV вв.), ‘усердный’ (XII в.) [СРЯ XI–XVII, 30, 240–241]. Смешение значений ‘спешить, торопить, стремиться’ и ‘усердный, старательный’ отмечается и в старославянском у производных корня *тъци-* [ESS, 17, 1007]. В этом случае вероятно влияние старославянского на древнерусский, но в старославянском нет «встречи» со значением ‘тоска, печаль; тосковать’!

Каким образом соотносятся все эти значения предполагаемых однокорневых образований? Если понятие «тоска» можно истолковать как «ощущение душевной пустоты» (значения ‘тоска, печаль’ — ‘пустой’), то как соотнести значения ‘тоска, печаль’ и ‘спешить, торопиться’, ‘стараться’, ‘тщательный’? Как развивалась семантика в этом словообразовательно-этимологическом гнезде, при том что значение ‘пустой, напрасный’ практически энантиосемично значению ‘тщательный, старательный’?

Возможно, разгадку подсказывают чеш. *tíseň* ‘нужда, недостаток’ и ‘подавленность, тоска’ (*pada na mne tíseň*), словац. *tes(k)ny* ‘тесный,

плотный, близкий’, *tiesnit* ‘теснить’, ‘тяготить, удручать’ и *tiesen* ‘тоска, подавленность’, ‘нужда’, производные от *tēs(k)n-* ‘тесный’, и с.-х. *teskoba (tjeskoba)* ‘теснота’ и ‘тоска, печаль’, *teskoban* ‘тесный’ и ‘тоскливый, печальный’, образованные от *tijesan (tēsan)* ‘тесный, узкий’ [Reizak, 2001, 659; Skok, 3, 473–474]. Основания для такого семантического перехода не вызывают вопросов, поскольку очевидна связь понятий «теснить» и «угнетать, мучить, давить», ср. ст.-слав. *тѣснѣ (тѣскънѣ)* ‘тесный, узкий’ и ‘гнетущий, тягостный’, *тѣснѣти* ‘теснить, угнетать, мучить’, *тѣскъ* ‘пресс (виноградарский)’ или рус. *притеснять, стеснить* (кого-л.) [ССЯ, 4, 556–557]. Вариативность *тѣсн-/тѣскън-* неслучайна, это следствие исходного праслав. **tēsknъ*, родственного **tiskati* [Фасмер, 4, 51; Reizak, 2001, 659; Machek, 1957, 527; Skok, 3, 473–474; Bańkowski, 2, 174].

Таким образом, как можно определить генетические связи слав. **tъska* ‘тоска, печаль’, известного в восточно- и западнославянских языках? Возможно два объяснения: 1) контаминация *teskn-* ‘тоскливый’ и *tēskn-* ‘тесный’ в ареале чешского и словацкого (сербохорватский?) с дальнейшим распространением в устной речи такого осмысления тоски в восточнославянский ареал (т. е. первичность формы **tъsk-* из праслав. **tъšč-*); 2) ареальные восточно- и западнославянские образования с корнем *тъск-/tesk-* ‘тоска, печаль’ не имеют генетической связи с праслав. **tъšč-*, своим происхождением обязаны осмыслению чувства тоски как ощущения внутренней сдавленности, сжатия (ср. с.-х. *teskoba*, производное от *tēsan* ‘тесный, узкий’, и с.-х. *tašt* ‘пустой, тщетный, суетный’, производное от праслав. **tъšč-*).

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М., 1975–. Вып. 1–.

ССЯ — Словарь старославянского языка : в 4 т. Репринт. СПб., 2006.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1994.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 1–3. Warszawa, 2000.

ESS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / hl. red. I. Janyšková. Praha, 1989–. Č. 1–.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Reizak J. Český etymologický slovník. Praha, 2001.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–3. Zagreb, 1971–1974.

DOI 10.31168/7996-2700-3.42

Т. Р. Душенкова

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Ижевск, Россия

dushenkovatr@mail.ru

К семантике выражения *шыр голык*, или Почему *мышь голая*?

В удмуртском языке есть интересное выражение, используемое в южных диалектах Удмуртии, где население исторически тесно контактировало с тюркскими народами. Это выражение *шыр голык*, представляющее собой некую загадку, поскольку, на первый взгляд, буквально оно переводится на русский язык как «мышь голая»¹.

Возможно, в данном случае мы имеем дело с таким явлением, как языковая игра. Дело в том, что лексема *шыр* в удмуртском языке представлена несколькими омонимами. Первое слово в их ряду, самое понятное и известное, — зоологический термин *шыр* ‘мышь; мышиный’ (*шыргу*, *шыр гутё*, *шыр кар*, *шыр мудэм* ‘мышиная нора’; фразеологизм *шыр быж* обозначает тонкие свисающие волосы у человека, перетянутые сзади на голове резинкой, бантом или заколкой, букв. «мышиный хвост»). Второй омоним является ветеринарным термином, который обозначает инфекционную болезнь лошадей, проявляющуюся как воспаление слизистой оболочки носа и глотки: *шыр* ‘мыт’ (например, *валэз шыр кутэм*²

¹ Мои детские воспоминания связаны с такой зрительной картинкой: мама поднимает резиновый коврик у крыльца, а под ним целый выводок голых мышат (без единого волоска!). С тех пор выражение *шыр голык* всегда ассоциировалось у меня с голыми мышами.

² Т. Борисов [1991, 354] приводит другой пример: *вал шыр луэ* <лошадь заболевает мытом>, букв. «лошадь становится мытом(?)».